

Р. Р. Вергазов

КАПИТЕЛИ АХЕМЕНИДСКОГО КРУГА В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ. К СПЕЦИФИКЕ ВОСПРИЯТИЯ ИРАНСКИХ ОРДЕРНЫХ ФОРМ В АРХИТЕКТУРЕ САТРАПИЙ

Архитектура Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н. э.) представляет собой синкретическое явление, объединяющее местное иранское наследие с достижениями архитектуры предшествующих культур Ближнего Востока. В художественной традиции Ахеменидов архитектура является главным стилеобразующим видом искусства, получившим воплощение в дворцовых комплексах Пасаргад, Суз и Персеполя. В этих ансамблях складываются основные строительные принципы, типология и ордерная система архитектуры Ахеменидов. Отличительной чертой этой ордерной системы являются композитные капители, которые завершались зооморфными протомами. Ордерные формы, конструктивные принципы и типология архитектуры Ахеменидов оказали заметное влияние на развитие строительных традиций провинций.

Целью данной статьи является изучение редких образцов провинциальных капителей ахеменидского типа из различных сатрапий империи. Несмотря на достаточную разработанность в историографии материала столичных ордерных форм, единичные находки капителей персидского круга в провинциях остаются на страницах археологических отчетов без попытки полноценного осмысления и определения их значения для характеристики локальных архитектурных традиций сатрапий. На данном этапе развития археологических исследований архитектуры древнеперсидской эпохи за пределами Ирана все более актуальной становится проблема изучения провинциальных капителей как важных маркеров влияния столичного зодчества Ахеменидов на строительные традиции сатрапий.

Широкая география находок (Средняя Азия, Закавказье и Средиземноморье) предоставляет возможность выявить региональную специфику восприятия столичных ордерных форм Ахеменидов и их влияние на возникший синтез традиций в провинциальной архитектуре. Эта проблематика раскрывается в статье путем анализа стилистики и конструктивных особенностей капителей персидского типа, а также их сопоставления со столичными ордерными формами из Суз и Персеполя. Рассмотрение схожих и различных черт этих памятников позволяет сделать ряд важных выводов об общем характере процессов восприятия столичной ордерной системы Ахеменидов в провинциальной архитектуре империи и локальной специфике в каждом из регионов.

Ключевые слова: архитектура Ахеменидов, капители, официальный стиль, провинциальные капители персидского круга, ордерная система

R. R. Vergazov

THE ACHAEMENID-LIKE CAPITALS IN THE PROVINCIAL MONUMENTS OF THE PERSIAN EMPIRE. TO THE SPECIFICITIES OF THE IRANIAN ORDER PERCEPTION IN THE SATRAPAL ARCHITECTURE

The architecture of Achaemenid Iran (VI–IV centuries B.C.) is a syncretic phenomenon, which combines the local Iranian heritage with architectural achievements of previous cultures of the Near East. In the Achaemenid artistic tradition, architecture is the main style-forming art. The typology and order system of the official Achaemenid architecture are formed in palace ensembles at Pasargadae, Susa and Persepolis. A distinctive feature of this order

system are composite capitals, which culminated with zoomorphic protomas. Achaemenid order forms and typology had an impact on the development of local building traditions of the satrapies.

The purpose of this article is to study rare examples of Achaemenid provincial capitals from various satrapies. Despite the sufficient elaboration on Persian order forms in the historiography, isolated finds of Achaemenid-like capitals in provinces remain on pages of archaeological reports without an attempt at full comprehension. As archaeological research on Persian-like architecture outside Iran develops, the problem of studying provincial capitals as important markers of the Achaemenid influence on the architecture of satrapies is becoming increasingly relevant.

The wide geography of finds (Central Asia, Transcaucasia and the Mediterranean) provides an opportunity to identify the regional specificities and the Achaemenid influence on the resulting synthesis in the provincial architecture. This issue is revealed by analyzing the style and construction of Persian-type capitals. Consideration of features of these monuments allows us to draw important conclusions about the general nature of the processes of perception of the Achaemenid order system in the provincial architecture and local specificities.

Keywords: *Achaemenid architecture, capitals, official style, provincial capitals of the Persian type, order system*

Официальная архитектура Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н. э.) представляет собой синкретическое явление, объединившее местное иранское наследие с достижениями зодчества предшествующих культур Ближнего Востока II–I тыс. до н. э.

Архитектура является главным стилообразующим видом искусства в художественной традиции Ахеменидского Ирана. В царских дворцовых комплексах Пасаргад, Суз и Персеполя закладываются основные строительные принципы, типология и ордерная система Ахеменидов. Среди древнеперсидских ордерных форм особое внимание привлекает богато украшенная композитная капитель. Первые образцы подобных капителей были найдены в раннеахеменидском дворцовом комплексе в Пасаргадах. Но, к сожалению, они сохранились лишь во фрагментах (Stronach 1978: 61). Тем не менее они свидетельствуют о возникновении нового специфически персидского типа композитной капители, окончательно сформировавшегося в архитектуре Суз и Персеполя.

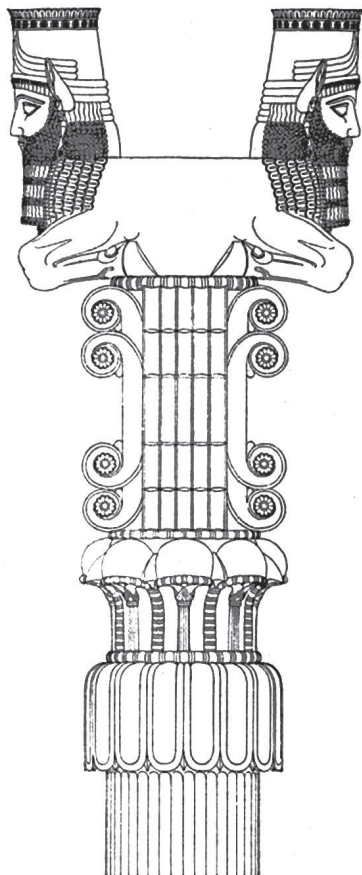
Изучению ордерной системы Ахеменидского Ирана посвящены основополагающие труды по главным древнеперсидским дворцовым комплексам. К числу таких работ следует отнести монографию Д. Стронаха о результатах раскопок комплекса эпохи Кира II в Па-

саргадах (Stronach 1978), коллективную публикацию под общей редакцией Ж. Перро о дворцовом комплексе в Сузах (Perrot 2010), а также первый том фундаментального труда Э. Шмидта об архитектуре и скульптурной декорации Персеполя V–IV вв. до н. э. (Schmidt 1953). Именно монография Э. Шмидта предоставляет наиболее полные сведения об ордерных формах Ахеменидов и их развитии на протяжении существования Персеполя (кон. VI — посл. треть IV в. до н. э.). Вопросы генезиса древнеперсидских ордерных форм на материале Пасаргад рассмотрены в труде К. Ниландера (Nylander 1970). Эти работы являются главными исследованиями ордерной системы Ахеменидов, в том числе и композитных капителей, сохраняя до сих пор свою научную значимость.

Однако в историографии существует явный пробел в изучении материала провинциальных капителей из различных сатрапий империи. Редкие находки капителей персидского круга в провинциях остаются на страницах археологических отчетов без попытки полноценного осмысления и определения их значения для характеристики локальных архитектурных традиций сатрапий. Единственная попытка осмыслить этот материал вместе с более поздними памятниками III в. до н. э. — XI в. н. э. была предпринята в статье Б. Стависко-

го (Stavisky 1989), но и она оказалась неудачной. В качестве введения автор дает краткий обзор отдельных находок капителей ахеменидского типа из Хорезма (не включив в этот регион капители из Султануиздага), Закавказья (здесь отсутствует находка из Саирхе) и Средиземноморья без их художественного анализа. В статье также есть ошибка в трактовке образов быков на капители из Сидона, которые Ставиский почему-то обозначает как протомы коней (Stavisky 1989: 53). Более значимой для нашей темы является публикация, рассматривающая вопросы систем пропорций в столбчатых ордерных формах Ахеменидов и аналогичных находках из Закавказья (Veisi, Nobari, Koohpar, Neyestani 2014). Тем не менее в историографии до сих пор отсутствует полноценная статья, посвященная актуальному материалу провинциальных капителей персидского круга.

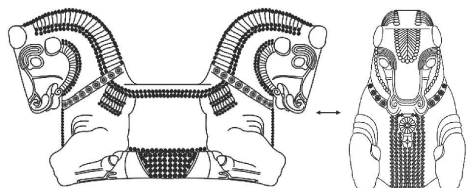
По нашему мнению, эти редкие памятники служат важными маркерами влияния столичной архитектуры Ахеменидов на локальные традиции, а их художественные особенности позволяют выявить региональную специфику восприятия столичных ордерных форм и степень влияния на возникший синтез двух традиций. В нашей статье мы подробнее остановимся на анализе стилистики и конструктивных особенностей капителей персидского типа, а также их сопоставления со столичными ордерными формами из Суз и Персеполя. Рассмотрение схожих и различных черт этих памятников позволяет сделать ряд важных выводов об общем характере процессов восприятия столичной ордерной системы Ахеменидов в провинциальной архитектуре империи и локальной специфики в каждом из регионов. Но прежде, чем перейти к этому материалу, необходимо дать общую характеристику ком-

Ил. 1. Прорисовка ахеменидской композитной капители с протомой человеко-быка из здания трипилона в Персеполе, 1 пол. V в. до н. э. (Schmidt 1953)

позитной капители Ахеменидов из Суз и Персеполя, которая просуществовала практически без изменений полтора столетия с нач. V в. до н. э.

Классическая ахеменидская капитель состоит из трех частей (ил. 1). На фуст колонны опиралась нижняя часть капители (в форме чашелистника) с растительным орнаментом, восходящим к пальмовидным колоннам из древнеегипетской архитектуры. Центральная часть капители представляет собой прямоугольный

Ил. 2. Прорисовка завершения капители с протомами быков из «столонного зала» в Персеполе, вторая пол. V в. до н. э. (Veisi, Nobari, Koohpar, Neyestani 2014)

Ил. 3. Завершение капители с протомами грифонов из «столонного зала» в Персеполе, вторая пол. V в. до н. э. Фото А. Ю. Казаряна, 2007 г.

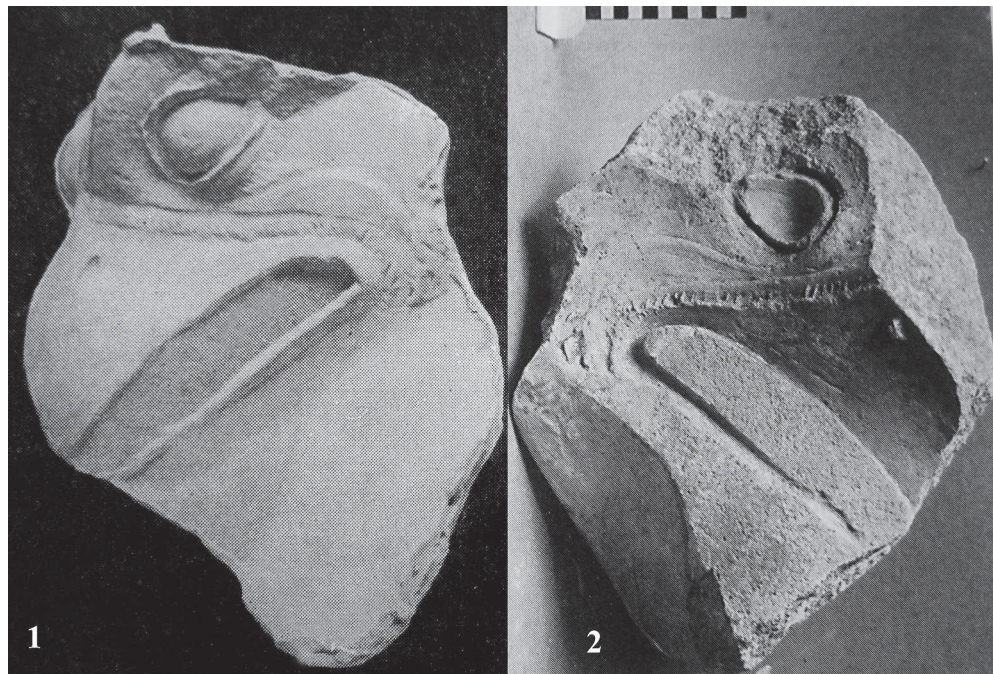
объем, украшенный с каждой стороны парой двойных вертикальных волют. Этот декоративный мотив находит аналогии в капителях с волютами ионического ордера. Завершающая верхняя часть капители является изобретением древнеперсидского зодчества. Фактически она образует импост из двух сросшихся протом, которые могли изображать полуфигуры быка (ил. 2), рогатого

льва, грифона (ил. 3) или человеко-быка (иранского «гопатшаха»). Причем головы животных несли поперечную балку, а пространство между их спинами (т.н. «седло») (Schmidt 1953: 80) — нижнюю продольную балку. Такое решение, с одной стороны, полностью отвечает задачам опор стоечно-балочной конструкции, а с другой — создает эффектное скульптурное оформление капители.

Столь удачно найденное решение капители просуществует в дворцовой архитектуре Ахеменидов вплоть до падения империи. Следует отметить, что официальное зодчество персов оказало заметное влияние на развитие архитектуры различных сатрапий. Основные строительные принципы, типология и ордерные формы ахеменидского зодчества получают свое распространение в провинциальных постройках сатрапов и местной знати, ориентировавшейся на столичные памятники официального стиля.

Ордерная система Ахеменидов в провинциальном зодчестве империи представлена преимущественно базами колонн, что объясняется степенью сохранности этих памятников. Следует признать, что капители в провинциальных постройках встречаются крайне редко. На сегодняшний день было найдено всего семь капителей ахеменидского типа. Эти находки обладают морфологическими признаками исходных персидских прототипов, но различаются множеством деталей. Последние позволяют выделить региональные особенности восприятия древнеперсидских ордерных форм. Поскольку ахеменидская капитель представляет сочетание архитектурной и скульптурной составляющих, то при анализе ее аналогий необходимо учитывать и особенности изобразительного языка.

Ареал находок капителей ахеменидского круга можно разделить на три ре-

Ил. 4. Фрагмент алебастровой формы (1) и современная отливка зооморфной капители (2) из дворца в Калалы-гыр 1, кон. V в. до н. э. (Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963)

гиона: Средняя Азия (Калалы-гыр 1, Султануиздаг), Закавказье (Цихиагора, Сасирхе) и восточное Средиземноморье (Сидон).

Средняя Азия. В этом регионе находки капителей ахеменидского круга сосредоточены в сатрапии Хорезм, которая вышла из состава персидской империи уже к началу IV в. до н. э., но оставалась сферой влияния официальной культуры Ахеменидов вплоть до македонского нашествия.

Показательной находкой из северо-восточной части империи является фрагмент алебастровой формы для отливки зооморфной капители (ил. 4) из незавершенного дворца в крепости Калалы-гыр 1 (кон. V в. до н. э.). Сама планировка дворца в Калалы-гыр 1 находит близкие аналогии в столичной архитектуре Ахеменидов. Внутренний двор

крестообразной формы, прямоугольный в плане 6-колонный зал (3×2), 2-х и 4-колонные помещения дворца Калалы-гыр обнаруживают прямые аналогии в отдельных частях зданий сокровищницы, гарема и трипилона в Персеполе (Schmidt 1953: Fig. 52, 105).

В залах дворца Калалы-гыр 1 сохранились трехступенчатые базы колонн, напоминающие по своей конструкции раннеахеменидские базы из Пасаргад. Фусты колонн, скорее всего, были деревянными и поэтому не сохранились (Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963: 147). Среди находок во дворце Калалы-гыр 1 особо выделяется фрагмент алебастровой формы. Он представляет собой отливку в виде объемной головы хищной птицы — грифона. По своей стилистике и композиции данная находка относится к модели капители ахеменидского

Ил. 5. Мраморная капитель с фигурами человеко-баранов из гор Султануиздага, кон. V в. до н. э. (Вергазов 2017)

типа. Зооморфный образ на алебастровой форме обнаруживает поразительное сходство со столочной капителью в виде грифона из т. н. «столонного зала» (вторая пол. V в. до н. э.) в Персеполе (Ali-Sami 1955: 67). В Калалы-гыр 1 изображение грифона обладает аналогичной трактовкой острого клюва с каплевидной формой ноздри и валиком, очерчивающим контур клюва. Также сходство обнаруживается в передаче выделенных надбровных дуг. В несохранившейся части алебастровой формы, вероятно, располагалось заостренное ухо грифона.

Форма для отливки капители ахеменидского типа из Калалы-гыр 1 является крайне важной находкой, свидетельствующей о распространении ордерной системы Ахеменидов в провинциальной архитектуре империи. Подобные модели предназначались для серийного производства капителей. Алебастровые или глиняные капители могли быть выполнены в большом количестве за короткий срок усилиями местных мастеров. Несомненно, форма для капители из Калалы-гыр 1 представляет пример прямого следования классическим памятникам ордерной архитектуры из Персеполя V в. до н. э.

Из сатрапии Хорезм происходит еще две уникальные мраморные капители,

найденные в горах Султануиздага. К сожалению, они были обнаружены вне археологического контекста и, вероятно, оставлены в горах еще в древности. Эти памятники представляют собой капители в форме двух обращенных в противоположные стороны фигур миксоморфных существ с туловищем барана и человеческим лицом (Манылов 1975: 210). Одна из них не была полностью завершена, что позволяет рассмотреть особенности техники обработки камня.

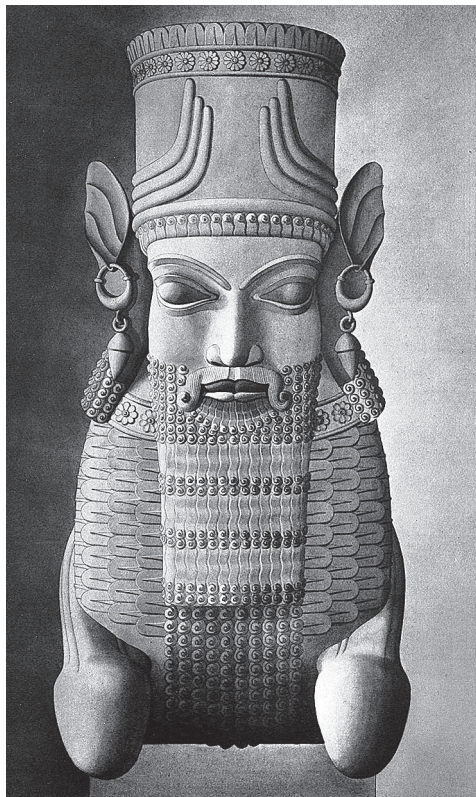
При изготовлении миксоморфных фигур мастера использовали металлические пилы и зубила. Аналогичная техника обработки мрамора с помощью плоского зубила применялась при создании рельефов Персеполя (Вергазов 2017: 286). Показательно также наличие отверстия в нижней части блока заготовки — оно предназначалось для металлического или деревянного штыря, скрепляющего капитель с верхним барабаном колонны. Эта конструкция восходит к древнегреческой технике «анафиромиса», которая активно применялась и в каменном зодчестве Ахеменидов, начиная с дворцов эпохи Кира II в Пасаргадах (Nylander 1970: 38, 67).

Относительно хорошо сохранившаяся капитель оформлена в виде двух сросшихся фигур человеко-барана (ил. 5), на спинах которых покоится прямоугольный блок. Наличие блока, вероятно, обусловлено особенностями стоечно-балочной конструкции, в которой поперечная балка могла опираться не на капитель, а на продольную балку, покоившуюся на прямоугольном блоке и головах фантастических существ.

Фантастические существа выполнены без детальной трактовки черт. Обе фигуры изображены с согнутыми ногами. Эта характерная поза распространена в классических капителях из дворцов Персеполя (Schmidt 1953: 127, 112).

В то же время капитель из Султануиздага лишена каких-либо орнаментальных мотивов, что указывает на более упрощенное решение. Наиболее близкие параллели обнаруживаются в ахеменидской капители с протомой человеко-быка (возможно, гопатшаха) из здания трипилона в Персеполе (ил. 6). Близость этих двух памятников объясняется схожим образным решением и общими пропорциями. Тем не менее, существуют и заметные отличия. Боковая часть капителей выделяется наличием задних частей фигур животных. Обе миксоморфные фигуры на капители из Султануиздага являются не просто протомами, а полноценными изображениями туловищ животных с задними конечностями. Эта особенность может быть отчасти объяснена провинциальной вариацией исходного классического образца V в. до н. э. из Персеполя или же намеренным изображением целой фигуры, обусловленным особым символическим подтекстом образа.

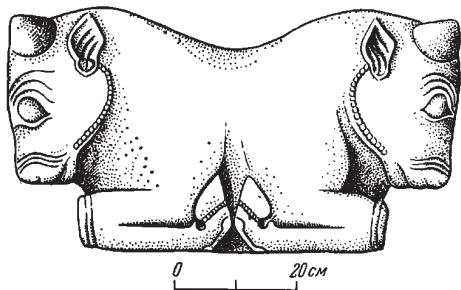
Что касается значения образа человеко-барана, то оно связано не только с местной мифологической традицией Хорезма, но и с общеиранскими верованиями. Скорее всего, здесь произошло наложение зороастрийской традиции (в частности, представления о «хварне») (Вергазов 2017: 290) на хорезмийские верования и мифологию, что привело к созданию этого синкретического образа. Вероятно, капители с таким содержательным образом украшали наиболее репрезентативные части постройки — парадные колонные залы или же ее сакральные участки. Примечательно, что капители Султануиздага были оставлены неподалеку от места добычи камня и только частично завершены. Это обстоятельство позволяет предположить, что они предназначались для дворца персидского сатрапа, который возво-

Ил. 6. Протома человеко-быка ахеменидской капители из здания трипилона в Персеполе, первая пол. V в. до н. э. (Schmidt 1953)

дился, по-видимому, в конце V в. до н. э. незадолго до выхода Хорезма из империи Ахеменидов. После изменения политической ситуации в этом регионе строительство сатрапского дворца оказалось нецелесообразным и было оставлено, так же как и в Калалы-гыр 1 (Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963: 141–143).

Таким образом, капители персидского типа из Средней Азии демонстрируют различные модели восприятия ордерной архитектуры Ахеменидов местной традицией сатрапии Хорезм. Несмотря на синхронность с капителями из Султануиздага, алебастровая форма из Калалы-гыр 1 отличается прямой

Ил. 7. Капитель с протомами быка из Цихиагора, IV в. до н. э. (Цкитишвили 1977)

ориентацией на классические образцы ахеменидского ордера из Персеполя. Подобный импорт архитектурных форм в целом не типичен для провинциального зодчества сатрапий, что делает находку из Калалы-гыр 1 особенно ценной для нашей темы. Совершенно иную модель взаимодействия с официальной архитектурой Ахеменидов представляют капители из Султануиздага. Она основана на адаптации иранских ордерных форм местной традицией и возникающем симбиозе двух культур, который нашел свое отражение в образном решении капители. При этом хорезмийские памятники обладают характерными ахеменидскими чертами, которые хорошо прочитываются как в изобразительном языке, так и в конструкциях капителей.

Закавказье. Находки капителей ахеменидского типа в Закавказье сосредоточены в долинах рек Куры и Риони, которые охватывают территорию племен саспейров и колхов.

В долине реки Куры находится холм Цихиагора, где располагался храмовый комплекс из двух построек. Большая часть этого святилища принадлежит к эллинистической эпохе, хотя, вероятно, изначально здесь находилась постройка времени Ахеменидов (Цкитишвили 1977: 89–90). В пользу этой точки

зрения указывают находки колоколовидной базы колонны персидского типа, а также редкого образца капители с протомами быков (ил. 7), вторично использованной после пожара ахеменидской постройки. Безусловно, по своему решению данный образец восходит к персидским капителям из Суз и Персеполя.

При этом капитель из Цихиагора отличается более упрощенным изображением протом. Из-за меньшего масштаба фигуры быков приближены друг к другу, так что их копыта соприкасаются. Кроме того, невысокие шеи быков не так явно выделяют пространство «седла» — здесь оно скруглено и вряд ли могло поддерживать продольную балку. Примечательно, что в нижней части капители сохранилось специальное отверстие для штыря, соединявшее блок с фустом колонны. Этот способ крепления сближает капитель из Цихиагора как с ордерной архитектурой Ахеменидского Ирана, так и с находками из Султануиздага.

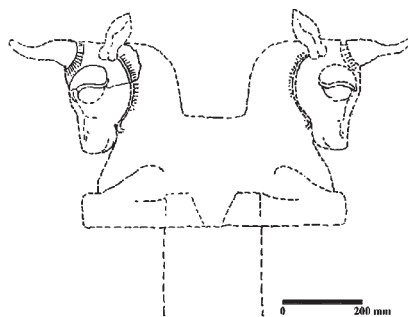
Трактовка голов и передней пары ног фигур отличается обобщенностью форм. Небольшие рога быков сильно скруглены. Поджатые ноги быков изображены достаточно упрощенно. Наибольшее сходство обнаруживается при сопоставлении голов быков капителей из Цихиагора и Персеполя. В частности, линейный рисунок надбровных дуг, носа и декоративный ряд шерсти восходят к столичным персидским прототипам. Кроме того, трактовка заостренных ушей быков с овальными выступами у основания находит прямые параллели с ахеменидскими капителями из Суз и Персеполя. Большие круглые глаза с заостренным внутренним краем, напротив, заметно отличаются от персепольских быков.

Капитель из Цихиагора является производением искусства северной периферии, выполненным местными масте-

рами. Тем не менее, сходство целого ряда изобразительных и конструктивных черт указывает на знание памятников Персеполя местными мастерами, которые могли обучаться в столичной мастерской или же работать по столичным образцам (*Veisi, Nobari, Koohtar, Neyestani* 2014: 209).

На территории племен колхов были обнаружены руины сакральной постройки ахеменидской эпохи в Саирхе (V–IV вв. до н. э.). От каменного храма сохранились остатки капители из известняка (*Кириани* 1987: 63). Судя по найденным фрагментам (части головы), она была оформлена протомами быков (ил. 8). Трактовка надбровных дуг, основания рога и шерсти животного находят прямые параллели в классических бычьих капителях из Персеполя. Вероятно, эта капитель персидского типа могла располагаться в целле или портике храмового сооружения эпохи Ахеменидов в Саирхе.

Таким образом, капители персидского типа из Закавказья образуют однородную группу памятников. Она характеризуется прямой ориентацией на столичную ордерную систему Ахеменидов и следованием основным принципам построения персидских зооморфных капителей. Поскольку найденные образцы выполнены местными мастерами, их изобразительный язык отличается большей стилизацией и обобщенностью. Тем не менее даже в небольших деталях зооморфных образов всегда угадывается ахеменидский прототип, что указывает на значительную степень восприятия официальной древнеперсидской архитектуры местными мастерами. Найденные в Закавказье капители отражают общие тенденции в провинциальной архитектуре северной периферии, представляющей крайне редкую модель прямого следования столичным памятникам древнеперсидской архитектуры.

Ил. 8. Графическая реконструкция из фрагментов капители с протомами быков из Саирхе, V–IV вв. до н. э. (*Кириани* 1987)

Восточное Средиземноморье. Находки капителей ахеменидского типа из восточного Средиземноморья локализируются в прибрежной части Леванта. Все капители персидского типа из Леванта были обнаружены в Сидоне. К их числу относится фрагментированная мраморная капитель с протомами быков, случайно найденная в районе колледжа Сидона (ил. 9). Среди всех провинциальных капителей этот памятник является единственным, который полностью копирует классические ордерные формы Ахеменидов V в. до н. э. Это в равной степени относится как к изобразительным, так и к конструктивным элементам. Капитель из Сидона представляет характерную ахеменидскую композицию из двух сросшихся протом быков. Благодаря высоким шеям между спинами быков появляется «седло» — пространство для поддержки продольной балки. Этот важный элемент конструкции в наибольшей степени сближает данный образец со столичными капителями из Суз и Персеполя. К сожалению, нижняя часть блока не сохранилась.

Протомы быков в мельчайших деталях следуют классическому изобразительному искусству Ахеменидов (ил. 10).

Ил. 9. Фрагментированная мраморная капитель с протомами быков из Сидона, V в. до н. э., Национальный музей в Бейруте, Ливан. Фото Т.П. Кишбали, 2018 г.

Ил. 10. Протома быка капители из Сидона, V в. до н. э., Национальный музей в Бейруте, Ливан. Фото Т.П. Кишбали, 2018 г.

Животные представлены в характерной позе с поджатыми под себя передними ногами и немного опущенными головами. Шеи быков украшает декоративный пояс из чередующихся квадратных ячеек, заполненных розетками и геометрическим декором. Схожий орнаментальный пояс представлен во всех ахеменидских капителях с протомами быков из Суз и Персеполя. Поджатые ноги животных изображены тщательно и достаточно натуралистично, так же как и в персепольских образцах.

Примечательна декоративная трактовка шерсти быка в виде горизонтальных рядов волнистых прядей, которые завершаются завитками. Их расположение под нижней челюстью и в центре груди животных находит прямые аналогии в бычьих протомах из капителей Пер-

сеполя (*Schmidt 1953: fig. 61*). При этом в декоративной трактовке шерсти быков из Сидона существуют и некоторые отличия. В орнаментальном ряде под нижней челюстью пряжи завершаются только одним завитком, а в центре груди орнамент более упрощен — вместо рядов завитков и розетты здесь представлена симметричная композиция из рядов прядей с завитками между центральным незаполненным поясом. Кроме того, полностью отсутствует декоративный ряд шерсти на спинах животных.

Изображения голов быков на капители из Сидона также восходит к классической иконографии Ахеменидов. Вытянутая трапециевидная форма головы, ее изобразительные детали полностью соответствуют бычьим капителям из Персеполя. Обращает внимание наличие сетки линейных складок на мордах быков из Сидона, очерчивающих нос, глаза и передний абрис головы. Эта специфическая черта обнаруживает поразительное сходство с трактовкой бычьих голов в большинстве столичных капителей Ахеменидов.

В результате капитель с протомами быков из Сидона в наибольшей степени приближается к классическим образцам ордерной архитектуры Ахеменидов. Этот памятник, несомненно, принадлежит к искусству интернационального официального стиля персов V в. до н. э. В то же время наличие определенных расхождений с персидскими прототипами в изобразительных деталях может указывать на работу сидонских мастеров, поскольку столичные ахеменидские образцы выполнялись по строгому канону. находка столь репрезентативной капители позволяет предположить, что она предназначалась для колонного зала или портика провинциального дворца ахеменидского типа в Сидоне (*Curtis 2005: 41–42*).

Вблизи Сидона находится храм финикийского бога Эшмуна, который несколько раз перестраивался и не сохранился до наших дней. В IV в. до н. э. после антиперсидского восстания сидонцы возводят новый храм Эшмуна, выполненный в греко-персидском стиле. По своей типологии он относится к греческому амфипростилю ионического ордера. Внутреннее пространство храма включает элементы древневосточной архитектуры: в пронаосе использован египетский карниз и колонны сирийского типа с торусовидными базами, а в 4-колонной целле фусты колонн покоятся на характерных ассирийских базах колонн с геометрическим орнаментом.

В целле храма Эшмуна была обнаружена уникальная капитель персидского типа с четырьмя протомами быков из известняка (ил. 11). Она представляет собой квадратный блок, от которого с четырех сторон отходят протомы быков. Эта новая конструкция фактически является комбинацией из двух пересекающихся капителей с протомами быков. Предположительно эта капитель поддерживала место соединения (сокрестия) продольной и поперечной балки, которые опирались на головы всех четырех полуфигур быков. В таком случае неразработанный каменный блок придает опорной конструкции большую прочность.

Все четыре протомы капители представляют идентичные изображения быков (ил. 12). Вполне возможно, что эти бычьи протомы служили символом бога Адада — верховного божества финикийцев (*Dunand 1973: 14*). В отличие от ахеменидских прототипов, здесь полностью отсутствует декорация. При этом сама поза быков с поджатыми под себя передними ногами и немного опущенными головами обнаруживает сходство с ахеменидскими капителями. Трактовка

Ил. 11. Капитель с четырьмя протомами быков из храма бога Эшмуна близ Сидона, IV в. до н. э., Национальный музей в Бейруте, Ливан. Фото Т.П. Кишбали, 2018 г.

Ил. 12. Протомы быков капители из храма Эшмуна близ Сидона, IV в. до н. э., Национальный музей в Бейруте, Ливан. Фото Т.П. Кишбали, 2018 г.

передней пары ног быков сближает эту находку с предыдущей капителью из Сидона: мускулатура ног изображена достаточно натуралистично. По сравнению с ахеменидскими капителями головы животных имеют более вытянутые тонкие пропорции. Трактовка носа с приоткрытыми ноздрями, как и изображения миндалевидных глаз скорее принадлежат к местной изобразительной традиции Леванта.

В результате капитель с четырьмя протомами из храма Эшмуна близ Сидона представляет местную модификацию ахеменидских капителей. Уникальность конструкции этой находки объясняется и особенностями храма Эшмуна, воплотившего в своей архитектуре греко-персидский стиль. Не исключено, что местные мастера могли руководствоваться идеей создания пан-персидского ордера, который объединил бы в колоннах целлы наиболее значимые имперские культуры I тыс. до н. э.: ассирийскую (базы колонн из Хорсабада и Ниневии) и ахеменидскую традиции (капитель с протомами быков). А фусты колонн в целле, скорее всего, обладали чертами ионического ордера как воплощение восточно-греческого искусства Анатолии.

Таким образом, находки из северного побережья Леванта объединяют две совершенно разные стороны восприятия ахеменидских ордерных форм от прямого копирования персидских прототипов до сложной трансформации конструкции. Такие различия указывают на работу мастеров разного происхождения и выучки. Во втором случае вполне вероятна совместная творческая переработка ахеменидских образцов как местными, так и восточногреческими мастерами.

Рассмотренные капители ахеменидского типа из трех регионов империи позволяют охарактеризовать процессы восприятия персидской ордерной си-

стемы в архитектуре сатрапий. Все они обладают рядом схожих черт. В провинциальном зодчестве Ахеменидов происходит логичный отказ от сложного решения композитной капители Суз и Персеполя в пользу наиболее выразительной ее части — сросшихся зооморфных протом, которые покоились непосредственно на фусте колонны. Именно эта композиция оказалось наиболее распространенной среди провинциальных находок ордерных форм. Подобный упрощенный тип капителей представлен на фасадах царских скальных гробниц Ахеменидов в Накш-и Рустаме (*Schmidt* 1970: pls. 20, 42, 50, 58). Общие размеры провинциальных капителей значительно уступают столбичным иранским прототипам, что в свою очередь указывает на меньшую высоту колонных залов/портиков, для которых они предназначались. Большинство найденных в сатрапиях капителей обладает идентичной конструктивной особенностью — у них отсутствует пространство между протомами для поперечной балки. Как правило, оно заменяется центральным блоком камня или же остается пластически невыявленным. Кроме того, ряд памятников из Средней Азии, Закавказья и Леванта объединяет общая техника крепления блока капители к верхнему барабану колонны с помощью отверстия и специального штыря. Идентичная греческая техника, т. н. «анафиро́сиса», использовалась и в столичной ордерной архитектуре Ахеменидов, начиная с Пасаргад. При этом во всех капителях персидского типа полностью отсутствуют составные детали (рога, уши, нижняя часть ног), которые являются неотъемлемой чертой капителей из Суз и Персеполя. Отказ от составной конструкции протомы, безусловно, облегчал процесс изготовления провинциальных ордерных форм, высекаемых из единого блока камня.

Что касается изобразительных особенностей, то большая часть провинциальных капителей (5 из 7) воспроизводит классическую композицию с двумя сросшимися протомами быков. Помимо символической нагрузки распространение этого зооморфного образа может быть обусловлено большей устойчивостью конструкции и относительной простотой в изготовлении. Этот тезис доказывают незавершенные заготовки для бычьих капителей в окрестностях Персеполя (*Schmidt* 1953: fig. 18) с предельно простой композицией. Большинство бычьих протом в провинциальных памятниках сохраняет ахеменидскую схему построения полуфигуры с поджатыми под себя передними ногами и немного опущенной головой. В отличие от иранских образцов, в провинциальных капителях уменьшается число декоративных элементов, а оставшиеся части орнамента становятся более обобщенными. В целом стилистика провинциальных капителей отражает редукцию столичных разработанных изобразительных форм Ахеменидов при сохранении исходной иконографии. В случае памятников восточного Средиземноморья на редукцию накладывается более натуралистичная трактовка изображений быков, восходящая к древнегреческому искусству.

Провинциальные капители представляют большой интерес и с точки зрения локальной специфики восприятия ордерной системы Ахеменидов в местной архитектуре. Для зодчества персидской эпохи в *Средней Азии* воздействие ордерных форм Ахеменидов было локальным явлением, ограниченным как территориальными рамками Хорезма, так и временным отрезком конца правления персов в этой области (посл. треть V — нач. IV в. до н. э.). В то же время Средняя Азия предоставляет самый

нетипичный и разнообразный материал капителей ахеменидского круга, представленных редкими для столичных памятников миксоморфными образами и в виде формы для отливки.

Архитектура персидского круга из *Закавказья* в большей степени восприняла принципы официального зодчества Ахеменидов, типология и ордерная система которого стала образцом для подражания местной традиции. Северная периферия империи богата находками ордерных форм персидского типа. Появление среди них капителей с протомами быков — вполне логичный результат мощного влияния официальной архитектуры Ахеменидов. Стилистика этих памятников полностью следует столичным прототипам. Но, будучи местным воспроизведением, капители обладают выраженным провинциальным характером с упрощением форм и другими схожими признаками. Тем не менее находки из Закавказья представляют эталонную гомогенную группу местных памятников, наиболее приближенных к иранским образцам.

Капители из *восточного Средиземноморья* иллюстрируют разнообразную картину восприятия ордерной системы Ахеменидов, которая накладывается здесь на местную традицию с параллельным влиянием и древнегреческой архитектуры. Находки из Леванта представляют полярные варианты капителей, от прямой копии персепольских образцов до конструктивной новации. Скорее всего, они отражают разные этапы художественного влияния Ахеменидов. Фрагментированная капитель из Сидона относится к классическому времени V в. до н. э. и наивысшему расцвету официального искусства персов. А капитель с четырьмя протомами из Сидона создана в сер. IV в. до н. э. после подавления сидонского восстания и, возмож-

но, воплощает политическое стремление достигнуть согласия с центральной властью. Сам храм Эшмуна близ Сидона служит наглядным образцом симбиоза восточногреческой и древневосточной культур в искусстве западных сатрапий древнеперсидской империи.

Подводя итог, важно отметить, что капители ахеменидского типа из провинций империи представляют большую ценность для изучения процессов воздействия и моделей восприятия древнеперсидской ордерной архитектуры местным зодчеством сатрапий. Сохранившиеся находки свидетельствуют о возникновении органичного синтеза культур в рамках интернационального официального искусства империи Ахеменидов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вергазов 2017 — *Вергазов Р. Р.* Архитектурные детали из Султануиздага. К проблеме атрибуции, датировки и стилистики капителей // Краткие сообщения Института Археологии РАН. 2017. Вып. 247. С. 285–295.
- Кипиани 1987 — *Кипиани Г. Г.* Капители. Тбилиси: Хеловнеба, 1987.
- Манылов 1975 — *Манылов Ю. П.* Мраморные архитектурные детали из Султануиздага // Советская Археология. 1975. № 3. С. 210–213.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963 — *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр 1 в 1958 году // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 1. М., 1963. С. 141–156.
- Цкетишвили 1977 — *Цкетишвили Г. Г.* Результаты работ на «Цихиа-гора» (1971–1974 гг.) // Краткие Сообщения Института Археологии АН СССР. 1977. Вып. 151. С. 87–92.
- Ali-Sami 1955 — *Ali-Sami.* Persepolis (Takht-I-Jamshid). Transl. by The Reverend R. N. Sharp. Shiraz: Sprin, 1955.

- Curtis 2005 — *Curtis J.* The Archeology of the Achaemenid period // *Forgotten Empire: The World of Ancient Persia.* London: British Museum Press, 2005. P. 30–50.
- Dunand 1973 — *Dunand M.* Le Temple d'Echmoun à Sidon. Essai de Chronologie // *Bulletin du Musée de Beyrouth.* 1973. № 26. P. 7–26.
- Nylander 1970 — *Nylander C.* Ionians in Pasargadae. *Studies in Old Persian Architecture.* Boreas. *Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations.* Uppsala, 1970.
- Perrot 2010 — *Perrot J. (dir.)* Le palais de Darius à Suse. Une résidence royale sur la route de Persépolis à Babylone. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2010.
- Schmidt 1953 — *Schmidt E. F.* Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
- Schmidt 1970 — *Schmidt E. F.* Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Stavisky 1989 — *Stavisky B.* Zoomorphic Capitals in Central Asia and Transcaucasia: Origins and Development // *Bulletin of the Asia Institute. New Series.* 1989. Vol. 3. P. 53–60.
- Stronach 1978 — *Stronach D.* Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963. Oxford: Oxford University Press, 1978.
- Veisi, Nobari, Koohpar, Neyestani 2014 — *Veisi M., Nobari A. H., Koohpar S. M., Neyestani J.* An Investigation of the Geometric Proportions of Bell-Shaped Column Bases and Bull Capitals at Persepolis and in Caucasian Achaemenid Sites // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 2014. Vol. 20. P. 195–211.

REFERENCES

- Vergazov R. R. Arhitekturnye detali iz Sultanuizdaga. K probleme atribucii, datirovki i stilistiki kapitelej (The Architectural details from the Sultanuizdag. The issue of attribution, dating and stylistic features of the capitals). *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 2017, no. 247, pp. 285–295 (in Russian).

- Kipiani G.G. *Kapiteli (Capitals)*. Tbilisi: Helovneba, 1987 (in Georgian with Russian summary).
- Manylov Iu. P. Mramornye arhitekturnye detali iz Sultanuizdaga (The Marble architectural details from the Sultanuizdag). *Sovetskaya Arheologiya (Soviet Archeology)*, 1975, no. 3, pp. 210–213 (in Russian).
- Rapoport Iu. A., Lapirovo-Skoblo M.S. Raskopki dvorcovogo zdaniya na gorodishche Kalaly-Gyr 1 v 1958 godu (Excavations of the palace building in the hill-fort of Kalaly-Gyr 1 in 1958). *Polevye issledovaniya Horezmskoj ekspedicii v 1958–1961 gg. (Field studies of the Khorezm expedition in 1958–1961)*, 1963, vol. 1, pp. 141–156 (in Russian).
- Ckitishvili G.G. Rezul'taty rabot na «Zikhia-gora» (1971–1974) (The results of works at “Zikhia-gora” in 1971–1974). *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arheologii AN SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Soviet Union)*, 1977, no. 151, pp. 87–92 (in Russian).
- Ali-Sami. *Persepolis (Takht-I-Jamshid)*. Transl. by The Reverend R.N. Sharp. Shiraz: Sprin Publ., 1955.
- Curtis J. The Archeology of the Achaemenid period. *Forgotten Empire: The World of Ancient Persia*. London: British Museum Press Publ., 2005, pp. 30–50.
- Dunand M. Le Temple d'Echmoun à Sidon. Essai de Chronologie. *Bulletin du Musée de Beyrouth*, 1973, no. 26, pp. 7–26.
- Nylander C. Ionians in Pasargadae. *Studies in Old Persian Architecture. Boreas. Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations*. Uppsala, 1970.
- Perrot J. (dir.) *Le palais de Darius à Suse. Une résidence royale sur la route de Persépolis à Babylone*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne Publ., 2010.
- Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1953.
- Schmidt E.F. *Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1970.
- Stavisky B. Zoomorphic Capitals in Central Asia and Transcaucasia: Origins and Development. *Bulletin of the Asia Institute*, 1989, vol. 3, pp. 53–60.
- Stronach D. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963*. Oxford: Oxford University Press Publ., 1978.
- Veisi M., Nobari A.H., Koohpar S.M., Neyestani J. An Investigation of the Geometric Proportions of Bell-Shaped Column Bases and Bull Capitals at Persepolis and in Caucasian Achaemenid Sites. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2014, vol. 20, pp. 195–211.